

ВИКТОР МАХАЕВ

ВРЕМЕННОЙ КРУГ КОНСТАНТИНА СМОРОДИНА

Константин Смородин. Одно утешит — красота. Саранск, 2021.

В поэтическом сборнике “Одно утешит — красота” Константин Смородин выступает и автором стихов, и иллюстратором: каждое стихотворение сопровождается фотоснимком. В книге есть прямые иллюстрации стихотворных строк, например, “Картинка из детства” сопровождается снимком: по заснеженному полю тащится лошадка с санями. А другие предстают метафорами духовного ландшафта. Такова уходящая вверх, в глубокую перспективу лестница, требующая духовного восхождения (“Всё это — ремесло...”). Снимки Константина Смородина атмосферные, с приглушённым тёплым цветом, напоминающие пастельные рисунки. На них запечатлена сегодняшняя провинциальная повседневность, без какой бы то ни было экзотики. Но зритель, не найдя ничего эффектного, именно в этой простоте может разглядеть чудо жизни. Поэт останавливает свой взгляд на преображённой повседневности, снимки являются результатом мучительных поисков красоты — в человеческих отношениях, в природе, в слове.

Временной круг задаёт движение всему сборнику. Лирический герой проходит все состояния человеческой жизни, от детства до зрелости. Меняются состояния души, которая то возбуждённо ликует, то тихо замирает и скорбит, то торжественно воскресает. И всегда жаждет гармонии. Поэтому образы времён года переплетаются с личными воспоминаниями, то счастливыми, то горестными. А мерный отсчёт бытию задаёт православный календарь. Круг замыкается. Время, как река, меняет берега жизни: детство лирического героя совпало с советской эпохой, молодость — с её крахом, зрелость — со становлением капитализма.

Детский кругозор ограничен родными людьми и родными стенами, непосредственность свежего и чистого восприятия жизни, какой бы она ни была в действительности, придаёт детству первородную гармонию. Она так сильна, что возмужавший поэт боится потревожить её анализом. Но память не проведёшь. Берedit душу ушедшая советская эпоха, век ослепительных обещаний и кровавых разочарований. Автор сопоставляет облик времени и суть времени, показывая, что за неказистой оболочкой скрываются удивительно одухотворённые, достойные люди: “Мы просто доживаем прошлый век, // осколки удивительной эпохи, // когда был человеком человек, // сквозь тьму глотая света крохи”. И, несмотря на отравляющий атеизм, в те годы “слово жило, а душа рвалась // к прекрасному...”. Как случилось, что всё лучшее было впустую растрачено?

Взвешенное спокойствие автора испаряется, когда речь заходит о рубеже 80–90-х годов, но поэт ограничивается хлёсткой политической карикатурой:

вырождение власти, афганская война, предательство и позор. На фотографии — обглоданные берёзовые стволы, по прекрасной роще прошёл ураган. Кажется, что уже весь “мир не поднять из руин”. Современность так запутана, что автор отказывается её анализировать: “день грядущий непонятен”, “мы заблудились в пластах времени”. Для того чтобы взвесить добро и зло, правду и ложь, надо иметь систему отсчёта: “Всех расставляют по ранжиру // в колонны, обещая рай, // и те, в ком души ещё живы, // те понимают — речи лживы...” Город, “объевшийся народом”, кусает людей большими, грубыми зданиями, заглатывает потоки машин, оставляя после своего пиршества мельтешение рекламы и человеческую суету.

Что остаётся человеку? “Одиночество из каждого двора...” Всё в таком городе бесприютно, пусто, мертвенно: “Мир городской скорее мертв, // в бетонных утонув колодцах”. Вот городской перекрёсток со скопищем машин, продуваемый хлестким ветром, леденящий стылым светом, в котором человек не может опомниться: “мир в движенье сумасшедшем”. Современный город с его обманчивой свободой лишает человека душевного спокойствия.

*День отчаянья! Предателей парад!
На билбордах всюду формулы и числа.
Это город твой, весь перешедший в ад,
иль сон разума, заштопанного чисто.
Что поделаешь: теснят со всех сторон,
в чадном дыме растворились храмы,
и былая жизнь вдруг превратилась в сон
на обочине то ль фарса, то ли драмы.*

Поэта охватывает тревожная дисгармония, из которой хочется бежать. Ему хочется вырваться из ловушки каменного лабиринта в свободное пространство духа.

И тогда появляется излюбленный поэтами вокзал — кто только об этом не писал, но Константин Смородин находит свой неповторимый образ:

*Ты смотришь на небо, где розоватые облака,
Сыплешь остатки хлеба голубю на виадуке,
А снизу летят навстречу два товарняка,
Плюя друг в друга непережёванные звуки...*

Вся громада страны — как махина, разрезанная на части поездами. Пространство вокзала очень тревожное, неустойчивое, шаткое. Люди живут в запрограммированном, но зыбком мире железа и копоты, под перестрелкой вагонных колёс. И пассажирам, столпившимся на платформе, уже не кажется диким, мерзким, когда молодая мама непотребно ругает своего ребёнка.

*И что теперь дым вокзальный, чей вкус
до тошноты изведен, — больше не манит дланью.
И лишь пилигрим просмолённый, придорожный куст,
в своей нагоде весенней движется вне расписанья.*

Поэту хочется стать свободным пилигримом. Жить не на переездах, а в скитаниях. Катиться не по железной колее, а плыть своей дорогой. Найти свой путь, а не цепляющие пути. Хочется уехать в столицу, к святыням, к далёким чудесам? Вспомнить юность с её поездами, ленинградскими трамваями, днепровскими “ракетами”? Гульнуть разве что перед дальней дорожкой? “Мы расслабились немножко. // Надо выпить на дорожку. // Что поделаешь? Весна”. Прошлое — это опустевший вокзал, и не надо бежать за ушедшим поездом.

Бежать в “прекрасное далёко” за новыми впечатлениями, искать целебный источник, чтобы излечить душу, прикоснувшись к святыням. Стихотворной строкой и фотоснимком поэт расширяет обжитое пространство и переносится далеко — в Петербург, в Троице-Сергиеву лавру, на Соборную площадь Арзамаса, в Севастополь, Вифлеем, на Афон... Иная открывается здесь красота, а южные самоцветы кажутся картинами авангардистов. Прекрасное, но чужое место, где ты всего лишь гость. Вот вдруг “так захотелось в иные края...”, к южному морю, где красота и открытость сотворены для удовольствия,

расслабленного наслаждения. Но вспомнился наш зимний лес — величественный, уютный, куда надо войти благоговейно. Высокие холодные стволы заставят тебя собраться, стать сильным, закалённым.

На развороте — фотография интерьера: комната в деревянном доме, тёплое дерево стен, домотканый половик, минимум вещей, всё только самое необходимое. В окна сквозь белые занавески льётся “вермееровский” свет, освещая на бревенчатых стенах и двери светящиеся блики. Солнечные лучи не ослепляют, а утешают и поддерживают. Божественный свет заполняет всё пространство — пространство души поэта. И тогда наступает гармония — когда “горит лампады язычок // в углу под образами”, “когда касается крылами благодать”. Лес, речка, деревянный дом приглашают вновь обрести утраченную гармонию, вернуться в милый дом детства. Как в сказке, он “стоит, не низок, не высок, // наш терем меж снегами”. И пришли погреться к печке милые существа — кот, мишка-гамми и волчок улеглись в тепле. Всё, как в детстве.

Как неожиданно может разорваться круг жизни! В 2012 году в расцвете своего таланта ушла из жизни Анна Смородина. Смерть самого близкого человека — огромная беда, но Константин Смородин утратил не только жену, но и верного единомышленника, многолетнего соавтора, поэта, прозаика, публициста. Распалась единая творческая натура, которая жила гармоничной жизнью: “ты была для меня женой и другом”.

Испепеляющее страдание, душераздирающие строки “Милая, начинаю тебя забывать, // и от этого становится невыносимо”. Для оставшегося на земле жизнь кончилась, у него теплится одно желание — воскресить былое в новеллах-воспоминаниях. Наваливается гнетущая опустошённость: “мы хотели с тобой разделить жизнь, // но пуст наш дом // и гол наш холм”. Как объяснить и оправдать личное горе, пережить неизбывную тоску по возлюбленной?

*Всё такая ж нежная, дорогая?
Иль уже не прежняя, а другая?
Нет, наверно, прежняя, только лучше.
Падает надеждою солнца лучик.*

Воспоминания сменяются страстной исповедью. Изменилась и стилистика, от внешне спокойных, элегичных стихов “из прошлой жизни” — к порывистости, разорванности, асимметрии, поэт заговорил белым стихом: “я пишу тебе письма или себе, / пытаюсь понять, уразуметь...”

Осень исстрадалась в ожидании любви. Главное — не заблудиться в чувствах, ведь когда живешь только для наслаждения, трудно остановиться. Даже в старости. Дом стареет, как человек, но в нём ещё можно жить. Яблони стареют, как человек, их мучают недуги, они скрипят своими стволами, но они ещё способны плодоносить. Но от стареющего человека может остаться лишь оболочка:

*Всё идёт по замкнутому кругу,
и однажды, дойдя до точки,
ты ощутишь, протягивая руку,
рукопожатие не человека, а оболочки.*

Закрывается кольцо жизни, но автор не навязывает читателю своё представление о мире и времени. Он лишь говорит, что круг не должен стать обречённостью, что он заставляет каждый раз осмыслять всё глубже и глубже самого себя, перечитывая свою судьбу: “жизнь разомкнула свой круг”. Круг времени всё исцеляет. В эпилоге поэт переходит на прозу, он размышляет о трудном пути к Богу и произносит молитву.

“Этот край небогатый // всем меня одарил: // и женою, и братом, // и крестами могил”. Строчки горькие и в то же время полные восхищения жизнью, если видеть вокруг себя “вечное, дивное, совершенное”. И когда круг жизни человеком ещё не пройден:

*Одно утешит — красота.
Ты присмотришь: она повсюду,
она повсюду разлита
свидетельством, что жизнь есть чудо.*